

УДК 39(47=942.2)

ББК 63.5(2)

**КАЛМЫКИ-СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В СИБИРИ:
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ДЕПОРТАЦИИ**

Е. Л. Зберовская

Кардинальные изменения советского общества во второй половине 1980-х гг. привели к трансформации общественного сознания, ломке стереотипов в отечественной науке. На волне обновления одной из наиболее популярных тем стало изучение сталинских репрессий. Не вызывает сомнений, что за прошедшие годы российские и зарубежные ученые, во многом благодаря «открытию» ранее засекреченных архивных материалов, значительно продвинулись в исследовании обозначенной проблематики.

С 1990-х гг. изучение «раскулачивания» крестьян, «большого террора», принудительных переселений и других тем происходило не только в научных центрах, но и на региональном уровне, что значительно скорректировало и расширило представления о масштабах репрессивной политики в СССР в 1930 – начале 1950-х гг. Вместе с расширением географии исследований обозначилась проблема необходимости комплексного анализа изучаемых явлений, что обусловлено многоаспектностью их проявлений, многогранностью последствий. Например, для всестороннего рассмотрения феноменов этнических депортаций и спецпоселения, принципиально изменивших бытие высланных народов, изыскания историков должны быть дополнены культурологическим, социологическим, демографическим и другими видами анализа. Предлагаемая статья является попыткой такого междисциплинарного историко-культурологического исследования. Опираясь на нормативные документы и нарративные источники, автор рассматривает проблемы социокультурной адаптации калмыцких семей, депортированных в Сибирь, формы сохранения этнической идентичности и взаимодействия с инокультурным сообществом.

При осуществлении политики принудительных переселений в 1930 – начале 1950-х гг. Сибирь стала одним из главных регионов размещения разнообразных «спецконтингентов». В предвоенные и военные годы за Урал было направлено более 629 тыс. чел. (28,4 % всех спецпереселенцев в СССР), представлявших разные этносы, попавшие, по решению советского руководства, в число «неблагонадежных». Самыми многочисленными были польский, немецкий, калмыцкий, прибалтийский «контингенты», размещенные преимущественно в Западной и отчасти Восточной Сибири [Земсков 2003: 115,116].

В январе 1944 г. регион принял почти всех выселенных с родины калмыков — 90 715 чел. из 93 139 депортированных из Калмыцкой АССР по известному Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. [Убушаев 1991: 6, 37]. В Сибири картина расселения была следующей: больше всего людей направили в Омскую область — 27 069 чел., вторым по численности переселенцев стал Красноярский край — 24 998 чел, на Алтай выслали 22 212 чел. и еще 16 436 чел. — в Новосибирскую область [ГА РФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–2]. В дальнейшем на спецпоселении оказалось еще свыше 6 тыс. калмыков, выселенных в течение 1944 г. из ряда областей и краев СССР. По подсчетам К. Н. Максимова, к осени 1944 г. были депортированы 102 235 гражданских лиц калмыцкого населения [Максимов 2010: 369]. Абсолютное большинство вынужденных переселенцев составляли женщины и дети.

Отложившиеся в архивах материалы свидетельствуют о дисперсном расселении калмыков в местах вселения. Так, в Красноярском крае семьи были распределены между 26 районами.

Таблица 1. Размещение калмыков в Красноярском крае (март 1944 г.)

Наименование районов	Количество спецпереселенцев	
	Семей	Человек
1. Ширинский	360	1 200
2. Саралинский	306	955
3. Партизанский	154	489
4. Советский	216	729
5. Рыбинский	301	1 131
6. Нижнее-Ингашский	214	693
7. Боготольский	439	1 612
8. Тюхтетский	318	1 140
9. Уярский	23	77
10. Назаровский	425	1 438
11. Каннский	320	976
12. Сухобузимский	65	244
13. Емельяновский	348	977
14. Манский	639	2 123
15. Козульский	195	402
16. Ачинский	250	1 163
17. Даурский	150	750
18. Боградский	369	1 350
19. Кировский	1 173	3 555
20. Усть-Абаканский	559	2 010
21. Кежемский	70	200
22. Богучанский	70	200
23. Абанский	50	120
24. Казачинский	100	250
25. Туруханский	40	100
26. Енисейский	120	274
Итого	7 274	24 158

Новое место жительства переселенцев определяли комиссии, специально созданные из представителей край(об)комов, край(обл)исполкомов, УНКВД. Они распределяли депортированные семьи в соответствии с потребностями района в рабочей силе и возможностями предоставления свободного жилья, которых принимающие организации практически не имели. Скромные жилищные резервы были исчерпаны после размещения в регионе эвакуированных семей, «спецконтингентов» поляков, немцев, немцев, финнов, греков и др. Ревизия жилого и нежилого фонда, проводившаяся на местах перед поселением калмыков, выявила острый дефицит жилья, в связи с чем к приему переселенцев готовили любые, даже малопригодные для жизни, помещения (путьейский домик, барак при конторе, клуб с топчанами и т.д.) [ГА КК. Ф. П–26. Оп. 13.

Д. 383. Л. 253–254]. Неудовлетворительные жилищные условия, скученность при расселении приводили к быстрому возникновению и распространению инфекционных заболеваний, высокой смертности среди калмыцких семей.

Оказавшись в Сибири, калмыки вынуждены были проходить климатическую, трудовую, социокультурную адаптацию, которая усугублялась особым режимом их содержания. Под адаптацией в широком смысле слова понимается приспособление индивида или группы к внешним условиям. Но всякое приспособление ведет к утрате существовавших ранее социальных связей, трансформации прежней модели этнокультурного взаимодействия, оно ломает сложившуюся социокультурную систему. В условиях особого режима содержания (спецпоселения), ограничива-

ющего свободу передвижения людей (что фактически приводило к невозможности реализации других гражданских прав), адаптация зависела не столько от личных качеств человека, сколько от внешних факторов — политики органов власти и комплиментарности местного сообщества. В ситуации дисперсного расселения групповые практики адаптации первоначально не могли стать основными и уступали вышеуказанным внешним факторам. Спецпереселенцы не могли самостоятельно выбрать себе соседей, занятие, место жительства, поэтому адаптация начиналась в заранее предложенных властью условиях.

В центре и на местах руководители были заинтересованы в скорейшем приспособлении спецпереселенцев к новой обстановке, поскольку от этого зависели выполнение производственных заданий, сохранение трудоспособности прибывшей рабочей силы. Внешним проявлением такой заинтересованности стали распоряжения и постановления СНК СССР, изданные весной 1944 г., о предоставлении калмыкам муки, крупы, мяса, зерна, скота в счет сданного в местах выселения. Для «улучшения бытовых условий спецпереселенцев-калмыков» СНК СССР 19 ноября 1944 г. отдал распоряжение наркомпищпрому, наркомзагу и наркомтекстилю СССР выделить регионам, где они были размещены, хозяйственное мыло, плиточный чай, соль, шерсть, хлопчатобумажные ткани. Однако особых усилий по воплощению в жизнь московских решений и ускорению адаптационного процесса (в силу разных причин) на местах не предпринимали. Иначе как можно объяснить следующие факты: за 1944 г. исполкомы райсоветов не приступили к жилищному строительству для калмыцких семей, не выбрали отпущенный по нарядам Главснабеса и Крайлесзага выделенные правительством стройматериалы; зерно, предназначенное калмыкам, некоторые председатели исполкомов передавали для оплаты трудовых своим колхозникам [ГА КК. Ф. П-26. Оп. 14. Д. 48. Л. 158, 211].

По свидетельствам сибиряков и даже по признанию официальных организаций, бытовая и климатическая адаптация калмыков проходила особенно тяжело. Люди страдали от резкой смены климата, пищи, бытовой неустроенности. Только за первые три месяца пребывания в Красноярском крае умерло 840 чел. Высокую смертность среди

спецпереселенцев-калмыков подтверждала и общесоюзная статистика — за первый год депортации умерло в 25,7 раза больше людей, чем родилось [Земсков 2003: 118].

В итоге реальная помощь калмыкам была незначительной. Она не могла существенно улучшить бедственное положение, ускорить адаптацию спецпереселенцев, основную часть которых представляли дети, женщины и старики.

Необходимость приспособления к новым условиям жизни приводила к изменению прежних культурных установок. Суровый сибирский климат, инокультурное окружение, неусыпный контроль со стороны спецкомендатур — все эти внешние факторы оказывали мощное воздействие на сложившуюся веками социокультурную систему этноса.

Под социокультурной системой мы понимаем взаимосвязь элементов, образующих единое культурное пространство, базовыми среди которых являются традиции, ценности, язык, религия. Для этноса основополагающими являются принадлежность к определенной территории («своя земля») и общая историческая память.

Очевидно, что в условиях дисперсного расселения калмыков воспроизводство основных системных элементов социокультуры было крайне проблематично. Например, особую ценность для калмыков представлял скот — по количеству голов скота оценивалось богатство семьи. Лишившись в ходе депортации практически всего нажитого имущества, в том числе и скота, калмыки фактически утрачивали этот ценностный компонент. Адекватной замены ему не находилось.

Большую роль в повседневной жизни калмыцких семей играл буддизм. В течение многих веков он «оказывал влияние на ментальность и образ жизни калмыков, на формирование мировоззрения наших предков, на становление и развитие государственности и национального самосознания» [Максимов 2004: 198]. В Сибири в калмыцких семьях имелись молитвенные лампадки, хранились рукописные списки буддийской литературы, но поддержание религиозной традиции было задачей старшего поколения. Как отмечает Э.-Б. М. Гучинова, маленькие спецпереселенцы ее почти не наследовали [У каждого своя Сибирь]. Это происходило по разным причинам: во-первых, именно старшее поколе-

ние несло большие демографические потери, поскольку хуже остальных возрастных групп приспособлялось к новым обстоятельствам — оно не успевало передавать свой ценный этнокультурный опыт внукам; во-вторых, в условиях политики воинствующего атеизма (ослабленной в годы войны лишь незначительно) сохранение и передача религиозных ценностей в обществе не приветствовались.

В условиях депортации калмыцкий язык утрачивал прежнюю системообразующую роль. Первоначально многие калмыки не знали русского языка, поскольку на родине в моноэтничном окружении он не был особенно востребован. В воспоминаниях бывших спецпереселенцев отмечается, что приверженность национальному языку сохраняло только старшее поколение калмыков, а юные спецпереселенцы в условиях иноязычного окружения родную речь забывали [У каждого своя Сибирь]. Между тем, язык выполняет важнейшую роль семиотического культурного кода. Ю. М. Лотман отмечал, что язык — это еще и текст культуры: «только переведенное в ту или иную систему знаков может стать достоянием памяти» [Лотман 2010: 59]. Замена калмыцкого языка русским в повседневном общении была вынужденной, но необходимой мерой. Она вполне отвечала адаптационному поведению выселенцев в условиях иноязычного (преимущественно русского) окружения. Для разных этнических групп спецпереселенцев русский язык был центральной знаковой системой, языком межэтнической коммуникации.

Размывание базовых элементов социокультурной системы калмыков вело к утрате их этнической идентичности. В данном случае этот процесс можно рассматривать как проявление кризиса социокультурной системы, выведения ее из прежнего равновесного состояния, которое базовые элементы поддерживали. Опираясь на современные социологические исследования, мы рассматриваем идентичность как самоидентификацию и социокультурную определенность [Рыжова 2011: 18]. Самоидентификация для этноса во многом определяется культурным пространством, территорией его проживания. Ликвидация автономии Калмыкии, выселение людей из родных мест, тесно связанных с их «исторической памятью», лишали калмыков этой важной этнической константы.

Социокультурная неопределенность была характерна в большей степени для младшей группы спецпереселенцев, чье становление пришлось на годы депортации. По мнению Б. А. Бичеева, они выпали из поля этнической идентичности, оставаясь в ней чисто номинально [Бичеев 2005: 323].

Адаптация становилась главной проблемой с точки зрения поддержания этнической идентичности, поскольку неизбежно вела не только к размыванию прежних системных элементов, но и способствовала ассимиляции калмыцкого этноса. Однако адаптационный процесс был необходим для дальнейшего выживания вынужденных переселенцев. Адаптацию можно рассматривать как реакцию прежней социокультурной системы на внешнее воздействие, как своеобразный бифуркационный выход, который позволил системе начать движение к новому равновесному состоянию.

Успешность адаптации калмыков в Сибири, как показывала практика, зависела от стратегии их выживания в новом социуме. Она предусматривала усвоение новых правил жизни во взаимодействии с местным сообществом. Калмыки вынуждены были перестроить свой пищевой рацион (включение картошки, чая на сибирских травах и т. д.), овладеть новыми профессиями, комплиментарно сосуществовать с инокультурным сообществом.

Для взрослых спецпереселенцев адаптация происходила преимущественно в ходе совместной трудовой деятельности с местным населением. Первоначально СНК СССР в Постановлении № 432 от 28 декабря 1943 г. предписывал разместить и трудоустроить калмыков, учитывая их прежние навыки, «главным образом, в сельскохозяйственных, животноводческих и рыболовецких хозяйствах» [ГА КК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 66. Л. 8]. В действительности спектр использования депортированных семей оказался шире. Часть людей была занята на рыбных промыслах в северных районах и в сельском хозяйстве, но многих направили на работы в лесную отрасль. Например, в лесопромышленные тресты Красноярского края в 1944 г. было определено 1 511 чел. Многие калмыцкие семьи трудились на Канском гидролизном заводе, Ачинском марганцевом руднике, Заозерновской слюдофабрике, тресте «Хакасолото», кирпичных заводах г. Красноярска [ГА КК. Ф. П-26. Оп. 13.

Д. 383. Л. 174, 209–219]. Освоение новых профессий, по признанию официальных органов и воспоминаниям самих переселенцев, проходило тяжело. Сибиряки помогали депортированным овладеть навыками новой для них деятельности.

Мы не склонны идеализировать отношения между переселенцами и сибиряками, особенно в начальный период депортации. До прибытия выселенцев отношение к ним не было положительным. Калмыки в своих воспоминаниях отмечали, что первоначально их представляли как «людоедов», «врагов народа». Не все сибиряки охотно брали переселенцев в свои дома [Гучинова 2005]. Очевидно, что и местное население нуждалось в адаптации к новым соседям.

Межкультурный и межличностный диалог выстраивался на сибирской земле постепенно. По мере знакомства с депортированными семьями отношение к ним менялось. Местные жители делились с голодающими продуктами, помогали в строительстве жилья, были случаи, когда они забирали к себе осиротевших детей спецпоселенцев.

Несмотря на все сложности приспособления к новому социуму, особый режим содержания, культура калмыцкого этноса сохранилась. В работах Э.-Б. М. Гучиновой, Б. А. Бичеева и других исследователей показаны адаптационные стратегии калмыков, позволившие этносу выжить и сохраниться. Нам хотелось бы обратить внимание на комплиментарное поведение калмыков и сибиряков. Среди депортированных калмыков органы НКВД, тщательно следившие за умонастроениями своих подопечных, не зафиксировали недружелюбного поведения или высказываний. Терпение и трудолюбие как основные качества отмечали у калмыков местные жители. Очевидно, эти качества, проистекавшие из буддийского мировоззрения, лежали в основе комплиментарности этноса. Высланные семьи стойко выносили все трудности депортации.

Определенную роль в сохранении этнической идентичности играла и полиэтничная культурная среда Сибири. Калмыки оказались на спецпоселении вместе с другими высланными этносами. Общность судьбы позволяла пережить трудности депортации: «В наших бараках проживало около 50-ти семей разных национальностей —

немцы, финны, латыши, калмыки. Но все жили дружно, не было безучастных в бедах и радостях жизни» [У каждого своя Сибирь 2010]. Местное население, состоявшее, в том числе, из потомков ссыльных, относилось к спецпереселенцам с состраданием. Обескровленные войной сибиряки не утратили способности помогать другим людям.

Начавшийся после смерти Сталина процесс реабилитации закончился для калмыков восстановлением автономии и возможностью вернуться на родину. Обретение вновь этнического пространства способствовало возрождению этнических констант.

Таким образом, оказавшись зимой 1944 г. на спецпоселении, калмыки были поставлены перед проблемами как физического выживания, так и сохранения культуры. Возможность обретения удовлетворительных материальных условий жизни была связана с климатической и производственной адаптацией. В первые годы депортации ее нельзя назвать успешной, о чем свидетельствует высокая смертность среди выселенцев. Деятельность официальных органов по созданию пригодных для жизни и вхождения в новый социум условий оказалась малоэффективной. Протекание этого процесса во многом зависело от стратегии выживания самих калмыков. Она складывалась постепенно, в тесном взаимодействии с их новыми «соседями».

Депортация и спецпоселение нанесли серьезный удар по социокультурной системе калмыцкого этноса. В условиях особого режима содержания, иноязычного окружения этносу сложно было сохранить базовые элементы культуры. Начался процесс их размывания. Однако, калмыки не потеряли своей идентичности. На наш взгляд, во многом ее поддержанию способствовали комплиментарные отношения вынужденных переселенцев и местного социума, а также буддийское мировоззрение, выразившееся в стратегии непротивления и терпения.

Этнокультурное состояние калмыков на спецпоселении определялось двумя процессами — адаптацией и сохранением этнической культуры. Адаптация способствовала обновлению социокультурной системы этноса, но не привела к утрате этнической идентичности.

Источники

Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ).

Государственный Архив Красноярского края (ГА КК).

Литература

Бичеев Б. А. Мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков: дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2005. 364 с.

Гучинова Э.-Б. Помнить нельзя забыть. Антология депортационной травмы. Штутгарт, 2005. 282 с.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.

Лотман Ю. М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ

им. М. И. Рудомино, 2010. 416 с.

Максимов К. Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.

Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.

Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.

У каждого своя Сибирь. Жизнь калмыков в Средней Азии. Эльза-Баир Гучинова [Электронный ресурс] // URL: www.elzabair.ru/cntnt/1memu/stati/ (дата обращения: 17.08.2010).

Убушаев В. Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991. 95 с.

Sources

[The State Archive of the Russian Federation]. (In Russ.)

[The State Archive of the Krasnoyarsk Territory]. (In Russ.)

References

Bicheev B. A. [Mythological and Religious Bases of Formation of the Ethnic Consciousness of the Kalmyks]. Dr. Sc. thesis (Philosophy). Stavropol, 2005. 364 p. (In Russ.)

[Everyone has their Own Siberia. The Life of Kalmyks in Central Asia]. Elza-Bair Guchinova. An Internet resource: www.elzabair.ru/cntnt/1memu/stati/ (accessed: August 17, 2010). (In Russ.)

Guchinova E.-B. [It is Impossible to Forget. Anthology of a Deportation Trauma]. Stuttgart, 2005. 282 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. [What People Learn. Articles and Notes]. Moscow: State Library of Foreign Literature, 2010. 416 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. [Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. [Tragedy of the People: Repressions in Kalmykia. 1918–1940s]. Moscow: Nauka, 2004. 311 p. (In Russ.)

Ryzhova S. V. [Ethnic Identity in the Context of Tolerance]. Moscow: Alpha-M, 2011. 280 p. (In Russ.)

Ubushaev V. B. [Kalmyks: Eviction and Return. 1943–1957]. Elista: Sanan, 1991. 95 p. (In Russ.)

Zemskov V. N. [Special Settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow: Nauka, 2003. 306 p. (In Russ.)